

Jo Nesbø
Frelseren

Книги Ю Несбё

Книги о Харри Холме

Нетопырь

Тараканы

Красношейка

Немезида

Пентаграмма

Спаситель

Снеговик

Леопард

Призрак

Полиция

Жажда

Охотники за головами

Сын

Кровь на снегу

И прольется кровь

Ю Несбё
Спаситель

Издательство “Иностранка”
Москва

УДК 821.135.5-312.4Несбё
ББК 84(4Нор)-44
Н55

Jo Nesbø
FRELSEREN

Перевод с норвежского Нины Федоровой

Художественное оформление
А.Касьяненко, К.Иванов

Несбё Ю

Н55 Спаситель : Роман / Пер. с норв. Н.Федоровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-389-11197-4

Пытаясь заглушить тоску по Ракели, Харри Холе с головой погружается в работу. Теперь он совсем один — коллеги его не любят, старый начальник ушел, а новый выше всего ставит дисциплину. В этом Харри не силен, зато он здорово расследует убийства. В Осло появился международный киллер, на благотворительном концерте застрелен солдат Армии спасения... Чтобы разобраться в невероятно запутанном преступлении и по-своему восстановить справедливость, Харри предстоит раскрыть немало зловещих тайн.

УДК 821.135.5-312.4Несбё
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-11197-4

© Jo Nesbø, 2005
© Федорова Н., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус", 2018
Издательство Иностранка®

*Кто это идет от Едома, в червленых
ризах от Восора, столько величественный
в Своей одежде, выступающий в
полноте силы Своей? «Я — изрекающий
правду, сильный, чтобы спасти».
Исаия, 63: 1*

Часть первая
Адвент

Глава 1

Август 1991 года. Звезды

Ей было четырнадцать, и она твердо верила, что если зажмурить глаза и сосредоточиться, то прямо сквозь потолок увидишь звезды.

Вокруг дышали женщины. Ровное, глубокое, сонное дыхание. Только одна храпела — тетя Сара, которой отвели место на матрасе под открытым окном.

Она закрыла глаза, попробовала дышать как другие. Не спится, особенно потому, что все вокруг внезапно стало новым и совершенно иным. Звуки ночи и леса за окном здесь, в Эстгоре, совсем другие. И люди, хорошо знакомые по собраниям в Храме и по летним лагерям, словно бы изменились. Как и она сама. Нынешним летом лицо и тело в зеркале над умывальником были новые. А ощущения, эти волны жара и холода, что пронизывали ее, когда кто-нибудь из мальчиков на нее смотрел. В особенности один из них. Роберт. Он тоже стал другим в этом году.

Она опять открыла глаза, уставилась в пространство. Бог властен вершить дивные дела, в том числе и позволить ей увидеть звезды сквозь потолок. Если только пожелает.

День выдался долгий, суматошный. Сухой летний ветер шумел в луговых травах, листья деревьев плясали как в лихорадке, и свет дождем сеялся на дачников во дворе. Они слушали кур-

санта Офицерского училища Армии спасения, который рассказывал, как работал проповедником на Фарерах. Славный парень, и говорил он с большим чувством и увлеченностью. Но ее больше занимало другое: она отгоняла жужжащего над головой шмеля, а когда он вдруг улетел, ее размогло от жары, и она задремала. Курсант закончил, все взгляды устремились на командира, Давида Экхоффа, а он смотрел на них улыбочивыми молодыми глазами, хотя было ему за шестьдесят. Приветственным жестом Армии спасения командир поднял правую руку над плечом, направив указательный палец в небеса, и звучно произнес «аллилуйя!». Затем предложил благословить работу курсанта среди бедных и отверженных и напомнил всем Евангелие от Матфея, где сказано, что Иисус Спаситель может незнакомцем бродить по улицам, может быть узником в тюрьме, голодным и нагим. И что в судный день праведники, помогавшие малым сим, пойдут в жизнь вечную. Похоже, намечалась продолжительная речь, но тут ему что-то шепнули, он рассмеялся и сказал, что в программе конечно же стоит Молодежная смена и что сегодня черед Рикарда Нильсена.

Она слышала, как Рикард заговорил, взрослым голосом, не таким, каким благодарил командира. По обыкновению, Рикард все заранее записал и выучил наизусть. И теперь без запинки рассуждал о борьбе, которой решил посвятить свою жизнь, об Иисусовой борьбе за Царство Божие на земле. Говорил взволнованно и все же монотонно, усыпляюще. Исподлобья устремив на нее задумчивый взгляд. Она поморгала глазами, наблюдая, как его потная верхняя губа шевелится, формирует знакомые, солидные, скучные фразы. И поэтому не сразу сообразила, что чья-то рука тронула ее спину. Только когда кончики пальцев про-

бежались по позвоночнику до поясницы и ниже, она оцепенела под тонким летним платьем.

Обернувшись, она увидела перед собой смеющиеся карие глаза Роберта. И пожалела, что не такая смуглая, как он, ведь лучше бы ему не видеть, что она залилась румянцем.

«Тсс!» — прошептал Юн.

Роберт и Юн — братья. Хотя Юн на год старше, многие, бывало, принимали их за близнецов. Но теперь Роберту уже семнадцать, братское сходство по-прежнему заметно, однако и различия проступили ярче. Роберт — веселый, беззаботный, любит позубоскалить и хорошо играет на гитаре, а вот на богослужениях в Храме не очень-то сосредоточен, да и в зубоскальстве иной раз заходит далеко, особенно если замечает, что рассмешил окружающих. В таких случаях Юн нередко одергивает брата. Юн — парень порядочный, исполнительный, большинство рассчитывало, что он пойдет в Офицерское училище и — вслух об этом не говорили — найдет себе девушку в Армии спасения. Что до Роберта, то насчет последнего пункта многие питали сомнения. Ростом Юн был на два сантиметра выше Роберта, но, как ни странно, именно Роберт казался выше. Дело в том, что Юн лет с двенадцати начал сутулиться, будто все тяготы мира легли на его плечи. Оба смуглые, с красивыми правильными чертами лица, только выражение глаз совершенно разное. В глазах Роберта сквозило что-то мрачное, загадочное. Ей и хотелось, и не хотелось выяснить, что это такое.

Рикард все говорил, а она скользила взглядом по знакомым лицам собравшихся. Однажды она выйдет замуж за какого-нибудь парня из Армии спасения, возможно, их пошлют тогда в другой город, в другую часть страны. Но они всегда будут возвращаться сюда, в Эстгор, ведь Армия недавно

купила это имение именно затем, чтобы оно стало для всех местом летнего отдыха.

Чуть поодаль, на крыльце дома, сидел светло-волосый парнишка, гладил кошку, устроившуюся у него на коленях. Она заметила, что он только что смотрел на нее, но успел отвести глаза, прежде чем она перехватила его взгляд. С ним она не была знакома, хотя знала, что это Мадс Гильструп, внук бывших хозяев Эстгора, что он на несколько лет старше ее и что Гильструпы — семейство богатое. Вообще-то он симпатичный, только одинокий какой-то. Кстати, что он тут делает? Приехал накануне вечером, ходил вокруг с хмурой складкой на лбу, ни с кем не разговаривал. Но несколько раз она чувствовала на себе его взгляд. Все в этом году смотрели на нее. Это тоже было непривычно.

Она резко вышла из задумчивости, когда Роберт схватил ее за руку, сунул что-то в ладонь и сказал: «Приходи в сенной сарай, когда генеральский отпрыск закружится. Хочу кое-что тебе показать».

Он встал и ушел, а она глянула на свою ладонь и чуть не вскрикнула. Прижав другую руку к губам, бросила в траву — шмеля. Он еще шевелился, но и ножки, и крылья были оторваны.

Рикард наконец закружился, а она все сидела, глядя, как ее родители вместе с родителями Юна и Роберта прошли к столам с кофе. Те и другие считались в своих ословских приходах «крепкими семьями», как принято говорить в Армии, и она знала, что за ней присматривают.

Она пошла в сторону уборной. А за углом, когда никто уже не мог ее видеть, быстро метнулась в сенной сарай.

«Знаешь, что это за штука?» — спросил Роберт, глаза у него смеялись, а голос звучал басовито, не так, как прошлым летом.

Лежа на сене, он обстругивал корешок складным ножом, который всегда носил с собой. Сейчас он поднял корешок вверх, и она разглядела, что это. Видела уже, на картинках. Вся надежда, что в сарае темно и он не заметит, как она покраснела.

«Нет», — соврала она и села рядом на сено.

Роберт смотрел на нее насмешливым взглядом, будто знал про нее что-то такое, чего она и сама не знала. Она тоже смотрела на него, откинувшись назад, опершись на локти.

«Его место вот тут». Рука Роберта неожиданно оказалась у нее под платьем. Она почувствовала деревяшку на внутренней стороне бедра, и, прежде чем успела сдвинуть ноги, та ткнулась в трусы. Роберт горячо дышал ей в шею «Нет, Роберт», — прошептала она.

«Я вырезал это специально для тебя», — шепнул он в ответ.

«Перестань, я не хочу».

«Ты говоришь нет? Мне?»

У нее дух перехватило, она не могла ни ответить, ни закричать, но тут от двери послышался голос Юна: «Роберт! Прекрати!»

Она почувствовала, как он расслабился, отпустил ее, убрал руку, а деревяшка так и осталась зажата у нее между бедер.

«Поди сюда!» — скомандовал Юн, словно подзывая непослушную собаку.

Роберт встал с коротким смешком, подмигнул ей и вышел к брату, на солнце.

Она села и принялась отряхивать с себя травинки, чувствуя одновременно и облегчение, и стыд. Облегчение оттого, что Юн прекратил эту дикую игру. А стыд оттого, что он, кажется, решил, будто здесь больше чем игра.

Позднее, во время молитвы перед ужином, она подняла голову и тотчас встретила взглядом

с Робертом, он шевелил губами, произнося какое-то слово, она не поняла какое, но хихикнула. Вот сумасшедший! А она... да, а она? Тоже сумасшедшая. Но совсем не так, как в двенадцать лет или в тринадцать. Сейчас ей четырнадцать, и это куда серьезнее. Важнее. И интереснее.

Она чувствовала, как внутри закипает смех, но по-прежнему лежала, буравя взглядом потолок.

Тетя Сара под окном хрюкнула и перестала хрюпеть. На улице послышалось уханье. Филин, что ли?

Надо в уборную, по-маленькому.

Не хочется вставать, но надо. Придется идти по мокрой от росы траве мимо сеного сарая, темного и совсем чужого посреди ночи. Она закрыла глаза — нет, без толку. Вылезла из спального мешка, сунула ноги в сандалии и на цыпочках пробралась к двери.

На небе кое-где виднелись звезды, но они скоро исчезнут, ведь уже через час начнет рассветать. Прохладный воздух обвевал кожу, пока она спешила по тропинке, слушая непонятные ночные звуки. Какие-то насекомые, которых днем не видно и не слышно. Звери на охоте. Рикард говорил, что видел в роще лисиц. А может, звери и насекомые те же, что и днем, просто звуки ночью другие. Меняются. Преображаются.

Уборная одиноко стояла на пригорке за сеным сараем. И по мере приближения как бы вырастала. Чудной, кособокий домишко, сколоченный из некрашенных досок, кривых, растрескавшихся, серых от непогоды. Без окон, только в двери прорезь сердечком. А хуже всего, что никогда не знаешь, есть там кто или нет.

Почему-то ей казалось, что там определенно кто-то сидит.

Она покашляла — если в кабинке кто-то есть, он может подать знак.

Сорока взлетела с ветки на опушке. И всё, тишина.

Она шагнула на каменную ступеньку. Взялась за чурочку, которая служила дверной ручкой. Потянула на себя. Внутри было темно и пусто.

Она перевела дух. Возле сиденья стоял карманный фонарик, но включать его незачем. Она подняла крышку сиденья, закрыла дверь и накинула крючок. Подобрала ночную рубашку, сняла трусы, села. В наступившей тишине словно бы слышались какие-то звуки. Явно не зверек, не сорока, не насекомое. Что-то быстро двигалось в высокой траве за уборной. Потом все заглушило журчание. Но сердце у нее уже стучало как молот.

Ну вот, она быстро натянула трусы и замерла в темноте, напрягая слух. Но слышала только легкий шорох листьев да гулкие удары собственного сердца. Подождала, чтобы сердцебиение унялось, подняла крючок, открыла дверь. Темная фигура заслоняла почти весь проем. Должно быть, он тихонько караулил на ступеньках. Секунду спустя она лежала на сиденье, а он, стоя над ней, закрыл дверь.

— Ты? — вырвалось у нее.

— Я, — отозвался он чужим, дрожащим, сиплым голосом.

Он навалился на нее. Глаза поблескивали в темноте, когда он до крови прокусил ей губу и одной рукой сорвал с нее трусы. А она лежала как агнец под ножом, который жег ей шею, меж тем как он судорожно расстегивал брюки и прижимался к ней, словно течная собака.

— Только пикни — на куски изрежу! — прошипел он.

И она не пикнула. Ведь ей было всего четырнадцать, и она твердо верила, что если сосредото-

читься и зажмурить глаза, то сквозь крышу увидишь звезды. Бог властен совершать такие вещи. Если пожелает.

Глава 2

Воскресенье, 13 декабря 2003 года. Визит

Он присматривался к своему отражению в вагонном окне. Пытался понять, в чем секрет. Но не видел в лице над красной шейной косынкой ничего особенного — обыкновенное, невыразительное лицо, глаза, волосы, на фоне стен туннеля между станциями «Курсель» и «Терн» такие же темные, как вечная ночь метро. На коленях у него лежала «Монд», обещала снег, но парижские улицы там, наверху, под сплошными низкими тучами по-прежнему холодны и голы. Ноздри его расширились, втянули слабый, но вполне отчетливый запах сырого цемента, человеческого пота, жженого металла, одеколона, табака, влажной шерсти и желчной кислоты — совершенно неистребимый запах вагонов метро.

Под напором воздуха от встречного поезда стекло завибрировало, в темноте за окном промелькнули тусклые прямоугольники света. Он сдвинул рукав пальто, взглянул на часы «Сейко SQ50», полученные от одного из клиентов, в счет оплаты. На стекле уже появились царапины, так что, может, они вовсе и не настоящие, а подделка. Четверть восьмого. Воскресный вечер, вагон заполнен лишь наполовину. Он огляделся. Люди в метро спали, всегда. Особенно по будням. Отключались, закрывали глаза, превращая каждодневную поездку в лишенный сновидений пустой промежуток, а красный или синий отрезок на схеме

метро — в этакий темный прочерк меж работой и свободой. Он читал про человека, который вот так, с закрытыми глазами, просидел в метро целый день, ездил туда и обратно, и, только когда ночью перед отправлением в парк осматривали вагоны, обнаружилось, что он мертв. Может статься, он и спустился в здешние катакомбы нарочно, чтобы в этом светло-желтом гробу без помех соединить синим прочерком жизнь и потусторонность.

Сам он держал путь в другую сторону. К жизни. Ему оставалось сегодня вечером выполнить работу здесь, а потом еще одну, в Осло. Последнюю. И он покинет катакомбы навсегда.

Резкий звонок — станция «Терн», двери захлопнулись. Поезд снова пришел в движение.

Он закрыл глаза, попробовал представить себе другой запах. Запах шариков дезодоранта и свежей теплой мочи. Запах свободы. Но, наверно, его мать, учительница, говорила правду: человеческий мозг способен до мельчайших деталей воспроизвести увиденное или услышанное, только не запах, даже самый обычный и сильный.

Запах. Перед внутренним взором замелькали картины. Ему пятнадцать, он сидит в коридоре вуковарской больницы, слушает, как мать тихонько молится апостолу Фоме, святому покровителю строительных рабочих, просит заступиться перед Господом за мужа. От реки доносятся грохот сербской артиллерии, а из детской палаты — крики тех, кого там оперируют, ведь младенцев в детской палате больше нет, женщины перестали рожать, с тех пор как началась осада. Он работал в больнице посыльным и привык отключаться от звуков — и от криков, и от канонады. Но не от запахов. Особенно от одного. При ампутации хирурги сперва резали мышцы до самой кости и, чтобы пациент не истек кровью,

чем-то вроде паяльника прижигали сосуды, тем самым останавливая кровотечение. А запах горелой плоти и крови ни с чем не спутаешь.

Врач вышел в коридор, жестом предложил им с матерью зайти в палату. Когда они подошли к койке, он не рискнул посмотреть на отца, уперся взглядом в его большой загорелый кулак, стиснувший матрас словно в попытке порвать его. Вообще-то отец вполне мог это сделать, ведь руки у него самые сильные во всем городе. Отец работал арматурщиком; когда стены были возведены, наставлял его черед: он брался руками за торчащие из бетона прутья и быстрым сноровистым движением крепко скручивал их концы. Он видел отца за работой — казалось, тот скручивал тряпку. Никто пока не придумал машину, которая бы лучше справлялась с этой задачей.

Он опять зажмурился, услышав отцовский крик, полный боли и отчаяния:

«Пусть мальчик уйдет!»

«Он сам попросил...»

«Пусть уйдет!»

Голос врача: «Кровотечение остановлено, сейчас начнем!»

Кто-то подхватил его под мышки, поднял. Он упирался, но был такой маленький, такой легкий. Вот тогда-то он и почуял этот запах. Запах горелой плоти и крови.

Последнее, что он слышал, был голос врача:

«Пилу!»

Дверь за ним захлопнулась, он рухнул на колени и продолжил материну молитву с того места, где она остановилась. Спаси его. Пусть он останется калекой, только спаси. Бог властен совершить такое. Если пожелает.

Он ощутил на себе чей-то взгляд, открыл глаза, вернулся в метро. На скамейке напротив сидела

женщина — суровое, напряженное лицо, усталые, отрешенные глаза, которые она поспешно отвела в сторону. Секундная стрелка на часах рывками двигалась по кругу, пока он в уме повторял адрес. Проверил пульс. Нормальный. Голова легкая, но не слишком. Он не мерз и не потел, не испытывал ни страха, ни радости, ни досады, ни удовольствия. Поезд замедлил ход. «Шарль-де-Голль — Этуаль». Напоследок он еще раз взглянул на женщину. Она пристально смотрела на него, однако, доведись им встретиться вновь, хоть сегодня же вечером, наверняка его не узнает.

Он встал, подошел к двери. Негромко скрипнули тормоза. Дезодорант и моча. И свобода. Которую все ж таки невозможно представить себе как запах. Двери скользнули в стороны.

Харри вышел на платформу, остановился, вдохнул теплый затхлый воздух, взглянул на листок с адресом. Двери за спиной закрылись, легкое дуновение подсказало, что поезд снова тронулся. Харри зашагал к выходу. Рекламный плакат над эскалатором сообщал, что есть средства избежать простуды. Как бы в ответ он закашлялся, подумал: «Черта с два!» — сунул руку в глубокий внутренний карман шерстяного пальто, нащупал под фляжкой сигареты и пачку молочных пастилок.

С сигаретой в зубах он миновал стеклянную дверь, оставил позади неестественное сырое тепло ословской подземки и по лестнице поднялся на совершенно естественный для Осло мороз, в декабрьские потемки. Машинально съежился. Эгерторг. Маленькая открытая площадь, перекресток пешеходных улиц в самом сердце столицы, если в эту пору года у нее вообще было сердце. Торговые киоски, несмотря на воскресенье, открыты,

ведь до Рождества без малого две недели, и площадь кишела людьми, сновавшими в желтых отсветах из окон незатейливых четырехэтажных магазинов, которые окаймляли площадь. Глядя на пакеты с подарками, Харри напомнил себе, что надо купить что-нибудь Бьярне Мёллеру, — завтра у него последний рабочий день в полицейском управлении. Многолетний начальник и главный защитник Харри в полиции наконец-то осуществил свой план отступления и со следующей недели займет в полицейском управлении Бергена должность так называемого старшего следователя по особым делам. Фактически это означало, что Бьярне Мёллер впредь до пенсии сможет делать что хочет. Неплохо, но Берген? Дождь и сырые, холодные горы. Мёллер и родом вовсе не оттуда. Харри всегда относился к Бьярне Мёллеру с большой симпатией, хотя не всегда его понимал.

Какой-то мужчина в комбинезоне-дутике вперевалку, точно астронавт, прошел мимо, выпуская из круглых розовых щек морозный пар. Сутулые спины и замкнутые зимние лица. У стены возле часовой мастерской Харри заметил бледную женщину в тонкой черной кожаной куртке с дырой на локте: переминаясь с ноги на ногу, она оглядывалась по сторонам в надежде найти дилера. Попрошайка, длинноволосый, небритый, но вполне хорошо одетый в теплые и модные молодежные шмотки, сидел на газоне в позе йога, прислонясь к фонарному столбу, склонив голову и как бы медитируя, рядом стояла картонная кружка из-под капучино. В последний год Харри замечал все больше попрошайек и удивлялся, до чего они похожи один на другого. Даже картонные кружки и те одинаковые, словно некий тайный знак. Может, это инопланетяне украдкой захватывают его город, его улицы. А что? Да пожалуйста.

Харри вошел в часовую мастерскую.

— Можете починить? — спросил он молодого человека за прилавком, протягивая ему дедовские часы, в прямом смысле дедовские. Харри получил их еще ребенком, в Онданесе, в тот день, когда хоронили маму. И сперва даже испугался, но дед успокоил его, сказал, что часы всегда передают из рук в руки и что в свое время Харри тоже должен их передарить: «Пока не поздно».

Харри начисто забыл про эти часы и не вспоминал до нынешней осени, когда Олег гостил у него на Софиес-гате и, разыскивая игровую приставку, обнаружил в ящике стола серебряный хронометр. Девятилетний мальчуган, давно превзошедший Харри в их любимой игре, а именно в несколько устарелом «тетрисе», тотчас забыл про состязание, которое предвкушал с таким восторгом, и занялся часами — вертел, крутил, встряхивал, пытаясь заставить их ходить.

«Они сломаны», — сказал Харри.

«Ерунда, — ответил Олег. — Все можно починить».

В глубине души Харри надеялся, что так оно и есть, но в иные дни его одолевали большие сомнения. Все же он неуверенно подумывал, не познакомить ли Олега с группой «Юкке и валентинки», с их альбомом «Все можно починить». Но по зрелом размышлении пришел к выводу, что мать Олега, Ракель, вряд ли одобрит, что бывший ее возлюбленный и алкоголик подсовывает сыну песни о пьянстве, написанные и исполненные покойным наркоманом.

— Можно починить? — спросил он молодого человека за прилавком.

Проворные, умелые пальцы быстро открыли механизм.

— А стоит ли?

— В каком смысле?

— У антиквара можно купить часы получше, причем исправные, и обойдутся они дешевле, чем ремонт вот этих.

— Все-таки попробуйте, — сказал Харри.

— Ладно. — Молодой человек уже принялся изучать механизм и, похоже, был вполне доволен решением клиента. — Приходите в среду.

Выйдя на улицу, Харри услышал хрупкий звук гитарной струны, донесшийся из усилителя. Громкость возросла, когда гитарист, парень со скудной растительностью на лице, в напульсниках, подкрутил один из колков. Скоро здесь, на Эгерторг, состоится традиционный предрождественский концерт в пользу Армии спасения с участием известных артистов. Народ уже потихоньку собирался возле группы музыкантов, которые расположились посредине площади, за треногой с черной кружкой Армии спасения.

— Это ты?

Харри обернулся. Бабенка, та, со взглядом наркоманки.

— Ты, да? Вместо Снупи? Мне срочно нужна доза, я...

— Извини, — перебил Харри, — не по адресу.

Она уставилась на него. Склонила голову набок, прищурилась, словно прикидывая, не смеется ли он над ней.

— Но я же видела тебя раньше!

— Я из полиции.

Она осеклась. Харри вздохнул. Реакция у нее заторможенная, его слова будто пробирались в обход сгоревших нервных волокон и разрушенных синапсов. Но вот в глазах тускло затлела ненависть, как он и ожидал.

— Легавый?

— По-моему, у нас уговор, чтобы вы держались на Плате, а? — Харри смотрел мимо нее, на вокалиста.

— Да ладно, — буркнула бабенка и стала у Харри прямо перед носом. — Ты не из наркоотдела. Тебя по телику казали, из-за убийства...

— Убойный отдел. — Харри легонько взял ее за локоть. — Послушай. То, что тебе нужно, найдешь на Плате. Не вынуждай меня тащиться с тобой в участок.

— Нельзя мне туда! — Она вырвала руку.

Харри пожалел, что связался с ней, и поднял руки:

— Скажи хотя бы, что не станешь тут покупать, и я уйду. Согласна?

Она опять склонила голову к плечу. Тонкие бескровные губы чуточку дрогнули, точно она усмотрела в ситуации что-то забавное.

— Сказать тебе, почему я не могу пойти на Плату?

Харри молчал, ожидая продолжения.

— Мальчонка мой там, вот почему.

Он ощутил ком под ложечкой.

— Не хочу, чтобы он видел меня такой. Понятно тебе, легавый?

Харри смотрел в ее строптивое лицо, соображая, что сказать в ответ.

— Счастливого Рождества! — бросила она, поворачиваясь к нему спиной.

Харри швырнул сигарету в бурую снежную пыль, зашагал прочь. Скорей бы покончить с этим делом. Он не смотрел на встречных прохожих, и они тоже на него не смотрели, буравили взглядом ледяную корку под ногами, будто совесть у них нечиста, будто они, граждане самой щедрой на свете социал-демократии, все-таки стыдились. «Мальчонка мой там, вот почему».

На Фреденсборгвейен, рядом с Дайкманской библиотекой, Харри остановился: вот он, адрес, указанный на конверте. Запрокинул голову. Серый с черным фасад, свежоштукатуренный. Сырая мечта граффитиста. В окнах кое-где уже развешены рождественские украшения — силуэты на фоне мягкого желтого света, наводящего на мысль о теплом семейном уюте. «Возможно, так оно и есть», — подумал Харри. Через силу, потому что, прослужив двенадцать лет в полиции, поневоле заражаешься презрением к людям, которое неизбежно сопутствует этой службе. Но он этому противился, надо отдать ему должное.

Отыскав звонок с нужной фамилией, Харри закрыл глаза, постарался прикинуть, как вести разговор, сформулировать вопрос. Без толку. По-прежнему мешал ее голос: «Не хочу, чтобы он видел меня такой».

Он махнул рукой. Есть ли вообще способ сформулировать Невозможное?

Большим пальцем он надавил на холодную кнопку, и где-то в доме зазвенел звонок.

Капитан Юн Карлсен отпустил кнопку звонка, поставил на тротуар тяжелые пластиковые пакеты, глянул вверх, на фасад. Дом словно подвергся обстрелу легкой артиллерии. Штукатурка во многих местах обвалилась, окна пострадавшей от пожара квартиры на втором этаже заколочены досками. Сперва он прошел мимо голубого фредриксеновского дома, казалось, мороз высосал краски и сделал все фасады на Хаусманнсгате совершенно одинаковыми. Только заметив захваченный бомжами дом, на стене которого было намалевано «Западный рубеж», он сообразил, что проскочил нужный адрес. Трещина в стекле двери походила на букву «V». На знак победы.

Юн поежился в своей непромокаемой куртке: хорошо еще, что форма Армии спасения сшита из добротной чистой шерсти. По окончании Офицерского училища, когда пришел черед новой формы, ни один из готовых мундиров на складе Армии ему по размеру не подошел, поэтому он получил отрез и отправился к портному, который дымил ему в лицо и ни с того ни с сего объявил, что не считает Иисуса своим персональным спасителем. Но дело свое он знал, и Юн тепло поблагодарил его, поскольку не привык к одежде, которая сидит на нем хорошо. Должно быть, всему виной сутулая спина. Те, кто сегодня вечером видел, как он шагает по Хаусманнсгате, думали, наверно, что парень сутулится от ледяного декабрьского ветра, который швырял в лицо колючую снежную крупу и гнал застывшие в камень отбросы по тротуарам улиц, где громыхали тяжелые машины. Однако те, кто знал Юна Карлсена, говорили, что он горбит спину, чтобы убавить себе рост и нагнуться к тем, кто ниже его. Вот как нагнулся сейчас возле подъезда, чтобы двадцатикроновая монета попала в коричневую картонную кружку, зажатую в грязной трясущейся руке.

— Как дела? — спросил он у бесформенной фигуры, которая, скрестив ноги, сидела на куске картона, прямо на тротуаре, в снежной поземке.

— Жду очереди на курс метадона, — произнес горемыка, монотонно, с запинкой, точно плохо затверженный псалом, не сводя глаз с колен черных Юновых брюк.

— Ты бы зашел в наше кафе на Уртегата, — сказал Юн. — Погреешься, поешь и...

Конец фразы утонул в реве машин, на световом фоне у них за спиной вспыхнул зеленый.

— Времени нету, — отозвался попрошайка. — Полсотни у тебя не найдется?

Вечный наркоманский фокус, как всегда, застал Юна врасплох. Он вздохнул и сунул в кружку сотенную купюру.

— Посмотри себе что-нибудь во «Фретексе». Если там нету, приходи в «Маяк», мы завезли туда новые зимние куртки. Замерзнешь ведь в своей тоненькой джинсовке.

Юн сказал это со смирением человека, который знает, что милостыня его пойдет на покупку наркотиков, а куда податься? Всегдашний припев, одна из невыносимых моральных дилемм.

Он еще раз нажал кнопку звонка. Глянул на свое отражение в грязном стекле витрины рядом с подъездом. Теа говорит, он большой, высокий. А на самом деле ничего подобного. Он маленький. Маленький солдат. Однако затем маленький солдат двинет в «Думпу» на Мёллервейен за Акером, где начинаются восточная окраина и Грюнерлёкка, через Софиенбергпарк на Гётеборггата, 4, к дому, который принадлежал Армии спасения и сдавался ее сотрудникам, войдет в подъезд В, возможно, кивнет легонько другим жильцам, а они, вероятно, решат, что он направляется к себе, на четвертый этаж. Но он поднимется лифтом на пятый, перейдет через чердак в подъезд А, прислушается, свободен ли путь, поспешит к квартире Теа и постучит условным стуком. А она откроет дверь и заключит его в объятия, где он снова оживет.

Вибрация.

Сперва он почему-то подумал, что дрожит земля, город, фундамент. Потом поставил один пакет на асфальт, сунул руку в карман брюк. Мобильник вибрировал в ладони. На дисплее номер Рагнхильд. Только сегодня уже третий раз. Он понимал, откладывать больше нельзя, надо ей рассказать. Что они с Теа решили обручиться. Правда, прежде необходимо найти правильные

слова. Он убрал телефон в карман и постарался не смотреть на свое отражение. Но решение принял. Хватит праздновать труса. Наберись смелости. Стань большим солдатом. Ради Теа с Гётеборггата. Ради отца в Таиланде. Ради Господа на небесах.

— Чего надо? — твякнул динамик домофона.

— Привет. Это Юн.

— Кто?

— Юн. Из Армии спасения.

Он ждал.

— Чего тебе надо? — просипел голос.

— Я принес еду. Вам, наверно, пригодится...

— Сигареты есть?

Юн слотнул, потопал ногами в снегу.

— Нет, на этот раз денег хватило только на продукты.

— Черт.

Снова тишина.

— Алло? — окликнул Юн.

— Чего? Думаю я.

— Если хочешь, могу зайти попозже.

Зажужжал механизм замка, и Юн поспешно толкнул дверь.

Помойка, а не подъезд: брошенные газеты, пустые бутылки, желтые наледи мочи. Хорошо еще, что мороз избавил его от необходимости вдыхать едкую, тошнотворную вонь, наполнявшую дом в теплую погоду.

Он старался не шуметь, но все равно топал. Женщина, поджидавшая в дверях, смотрела на пакеты. «Чтобы не смотреть на меня», — подумал Юн. Лицо у нее оплывшее, отечное, что неудивительно после стольких лет пьянства, и сама поперек себя шире, в халате, под которым виднеется замызганная майка. Из квартиры тянуло каким-то смрадом.

Юн остановился на площадке, поставил пакеты на пол.

— Муж твой тоже дома?

— Да, он дома, — сказала она с мягким французским выговором.

Красивая. Высокие скулы, большие миндалевидные глаза. Узкие бледные губы. И одета хорошо. Во всяком случае, насколько он мог видеть в приоткрытую дверь.

Машинально он поправил красную косынку на шее.

Дверь тяжелая, дубовая, без таблички, замок солидный, из латуни. Еще стоя в подъезде на авеню Карно и дожидаясь, когда консьержка откроет входную дверь, он отметил, что все здесь выглядело новым и дорогим — и дверная рама, и домофон, и замки. А что светло-желтый фасад и белые жалюзи покрыты налетом уличной сажки, только подчеркивало почтенную солидность этого парижского квартала. В подъезде развешены оригинальные живописные полотна.

— А в чем дело?

И взгляд, и интонация совершенно безучастны, хотя, возможно, скрывают легкую недоверчивость, вызванную его скверным французским.

— У меня сообщение, мадам.

Она помедлила. Но в итоге поступила так, как он и ожидал.

— Ну что ж. Подождите здесь, я его позову.

Она закрыла дверь, хорошо смазанный замок мягко вошел в гнездо. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу. Да, французский надо бы подучить. Вечерами мать заставляла его долбить английский, но во французском так и не навела порядок. Он смотрел на дверь. Французский проем. Французский визит. Красиво.

Ю Несбё Спаситель

Редактор А.Райская

Корректоры Н.Соколова, Т.Дмитриева, Е.Туманова

Технический редактор Л.Синицына

Компьютерная верстка Т.Коровенковой

ООО «Издательская Группа “Азбука-Аттикус” –
обладатель товарного знака “Издательство Иностранка”
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус” в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП “Издательство “Махаон-Украина”
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 05.04.2018. Формат 75×100/32.
Бумага газетная. Гарнитура “Журнальная”.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,63.
Доп. тираж 5000 экз. В-NUP-19227-06-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО “ИПК Парето-Принт”. 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru